

Чайковский в Эстонии

Советская Эстония
г. Таллин

25 МАЯ 1985

Пароход медленно удалялся от берегов Невы. Лавируя между другими судами, стоявшими вдоль набережной Васильевского острова, он вышел в залив. Вот уже совсем тоненькими кажутся золотые иллы Петропавловского собора, Адмиралтейства... И вот Петербург совсем исчез в прозрачном тумане, за горизонтом.

В то июньское утро 1867 года на борту парохода, державшего курс на Таллин и Хаапсалу, стоял худощавый молодой человек с короткой бородкой, высоким открытым лбом и задумчивыми карими глазами. Он с любопытством вглядывался в показавшиеся вскоре форты Кронштадта, в стоявшие на рейде корабли; он смотрел, как в волнах залива появлялись и вновь исчезали поросшие лесом острова с рыбачьими хижинами.

Молодого человека, о котором идет речь, звали Петром Ильичем Чайковским. Тогда ему едва минуло 27 лет. Только что кончили годы его учения. Благодаря Николаю Рубинштейну — превосходному пианисту и дирижеру, он стал преподавателем теории музыки. В печати промелькнули уже короткие сообщения о первом произведении начинающего композитора. Он выступал на торжествах, посвященных открытию Московской консерватории.

Но, как и в студенческие годы, Чайковский по-прежнему едва сводил концы с концами. «Денег у нас хватило, чтобы ехать не иначе как в третьем классе, — вспоминал спутник Петра Ильича — его младший брат Анатолий. — Как парочко, в то время были холода, теплой одежды у нас не было, а ехать в третьем классе означало быть все время на палубе, и днем, и ночью, без права даже войти в общую каюту, чтобы обогреться. Мы оба очень страдали от стужи и невозможности сколько-нибудь удобно улежаться на ночь... С нами ехал учитель французского языка в училище правоведения Кун. Петя на ночь выпросил у него плед, чтобы прикрыть меня, а сам, несмотря на мои мольбы и требования, оставался неприкрытый...».

В пятом часу утра показался Таллин. С палубы парохода Петр Ильич увидел шпили церкви Олая, затем — кровли домов и, наконец, весь город, раскинувшийся на зеленом берегу. Короткая остановка на загроможденном судами рейде, затем снова — в море. А к вече-

ру Чайковского уже встречали в Хаапсалу.

«В Гапсаль (Хаапсалу. — А. Л.) я приехал с сильным предубеждением и весьма ничтожным запасом денег, — писал Петр Ильич друзьям, — но с каждым днем я открывал в нем различные достоинства, наконец, окончательно меня с ним примирившие».

Брат композитора — Модест много лет спустя вспоминал, что жили они в Хаапсалу так, как позволяли им весьма скудные средства. Но нужда не мешала Петру Ильичу много и плодотворно работать. «Я очень много занимаюсь, — писал он 20 июля из Эстонии сестре. — Опера моя идет очень изрядно и с этой стороны я собою совершенно доволен».

Опера, о которой сообщал Чайковский, — «Воевода». Сюжетом для нее послужила одноименная пьеса А. Н. Островского. Драматург, предложивший молодому композитору использовать его новую комедию, сам взялся написать либретто. И живя в Хаапсалу, Петр Ильич переписывался с Островским, обсуждая сюжетную канву своего оперного первенца.

«...Могу осмелиться предложить на ваше благоусмотрение, — писал Чайковский 10 июня в деревню Щельково, Островскому, — новый план второго действия... Это лето я посвящаю отделке и оркестровке первого действия...». Из дневников драматурга мы узнаем, что тот работал тогда над либретто. 17 июня он сообщал Чайковскому в Хаапсалу: «Посылаю вам то, что успел сделать, остальное пришло в скором времени».

В домике бедной эстонской женщины, где снимал на лето комнату Чайковский, композитор инструментовал весь первый акт «Воеводы», переработал и заново оркестровал свои симфонические «Характерные танцы», известные ныне, как «Антракт и танцы сенных девушек из оперы «Воевода». В эту же пору родились две его фортепианные пьесы — «Развалины замка» и «Песня без слов», вместе с ранее написанным «Скерцо» составившие цикл «Воспоминание о Гапсале». Он был посвящен жившей тем летом в Эстонии дочери декабриста — Вере Васильевне Давыдовой.

«Как я ни дичился и не избегал здесь знакомств, — писал Чайковский из Хаап-

салу сестре, — а кончилось все-таки тем, что я перезнакомился со всеми». Композитор проводил приятные вечера в кругу Давыдовых, читая с ними поэмы и драмы Альфреда де Мюссе. Он со-вершал с друзьями прогулки в окрестности Хаапсалу. «Мне кажется, — вспоминал брат Петра Ильича Модест, — ясное и мирное настроение его в ту пору нашло себе полное выражение в «Песне без слов».

Однако лето подходило к концу. Чайковскому надо было возвращаться к своей преподавательской работе. «Последние дни доживаем в Гапсале, — сообщал он 8 августа сестре. — В субботу, через три дня, уже будем на пароходе». Петр Ильич уверял тогда, что Хаапсалу оставит у него «приятные воспоминания... а также сознание, что время не пропало даром». И это действительно было так. Три с половиной месяца спустя он сообщил Модесту Чайковскому: «Опера («Воевода» — А. Л.) теперь идет довольно успешно; написал все 3-е действие; в следующем концерте будут исполнены из нее танцы, которые я оркестровал в Гапсале». Петр Ильич не преминул спросить: «Видишь ли ты с нашими гапсальскими приятелями?» И еще через две недели, на предложение братьев повторить приятную поездку в Прибалтийский край, он сразу же ответил: «Купаться в Гапсале ничуть не прочь».

Летом 1868 года, из Парижа, композитор сообщил А. И. Давыдову о намерении «сездить на несколько дней в Силамьяги (Силламяэ. — А. Л.) повидаться с братьями и с вашими». Но прошло почти четверть столетия, прежде чем Чайковскому довелось снова побывать в Эстонии.

Поселившийся в Таллине брат великого композитора Анатолий стал настоятельно звать к себе Петра Ильича. Тот охотно принял его предложение. Но частые концерты и напряженная творческая работа много раз отодвигали дату приезда. «Как кончу ответы на все письма, из коих иные деловые (по поводу предполагаемого второго путешествия в Америку...), — писал Чайковский в Таллин, — так примусь усердно за оперу. Если она пойдет у меня гладко, надеюсь в месяц написать черновые, и тогда можно будет прокатиться в Ревель».

Прошел обещанный композитором ме-

сяц, но дела по-прежнему мешали ему посетить Таллин. Объясняя причину столь длительных задержек с давно уже решенной поездкой, Чайковский писал в Таллин: «Свободу моих передвижений стесняют теперь не только мои работы, не только надобность бывать часто в Москве по поводу скоро уже предполагаемой в Москве постановки «Пиковой дамы», но также и страшное безденежье. Нужно подождать, чтобы в театрах набралось для меня денег, а тут, как нарочно, то умирает беденькая великая княгиня, то заболевают артисты и «Онегина» ни в Петербурге, ни в Москве не дают...»

Письмо за письмом шли к родным, в Таллин. Одно из них написано было 8 октября 1891 года сразу же после московского концерта Чайковского, о котором таллинская газета «Кольвань» сообщила: «В этот вечер знаменитый композитор познакомил публику с новым своим произведением, симфонической балладой «Воевода»... Творец мелодичного «Евгения Онегина» был принят публикой торжественно-шумно, каждый выход его сопровождался искренними овациями, в конце выразившимися тем, что путь с эстрады был усыпан цветами, букетиками и венками. Так чувствуют только людей достойных, только своих любимцев, каким и есть действительно наш П. И. Чайковский».

Великий композитор приехал в Таллин 5 декабря 1891 года. Зная об огромной своей популярности в Эстонии и стараясь избежать шумных встреч, он просил братья: «Ради бога, устрой мне проклятый инкогнито, по крайней мере, насколько это, ввиду приличия, возможно».

Чайковский пробыв в Таллине два дня. В письме к своему издателю П. Юргенсону он сообщал, что город ему понравился. А 14 декабря, уже из Майданово, он писал жене: «Поездку в Ревель я вспоминаю, как приятное сновидение».

В Хаапсалу, у самого моря, на том месте, где 90 с лишним лет назад часто сиживал Чайковский, стоит ныне каменная скамья. Ее спинку украшает рельеф великого композитора. Рукой эстонского мастера высечена на камне музыкальная строфа из творения русского гения, свидетельствуя о близости Чайковского эстонскому народу.

А. ЛЮБАРСКИЙ.